Маяковский открыто поддерживает призывы футуристов «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого... с Парохода современности», отстаивать свободу творчества, создавать заумный язык. Однако в собственных стихах он быстро изживает формальные эксперименты со словом, соединяя классические традиции оды и сатиры, вводит в стих простую, порою грубую уличную речь, ломает плавные, привычные ритмы.

При всей внешней новизне и необычности его поэзия идет от жизни, сохраняет особую преемственность и с литературой XIX века, в частности с Державиным (ода) и Некрасовым (сатира). Сильная, но одинокая страдающая личность оживает в его стихах, трагедии «Владимир Маяковский» (1913), поэмах «Облако в планах». «Флейта — позвоночник» (1915), «Война и мир». «Человек» (1917). «Я—где боль, везде»,—вот, пожалуй, главный, сквозной мотив дооктябрьской поэзии Маяковского.

Пушкин гордился тем, что «милость к падшим призыва!», что «в свой жестокий век восславил свободу». Маяковский не только сострадает униженным и обездоленным, не только призывает к бунту, т.е. к восстанию, к той же свободе, Маяковский, как и Горький, стремится вернуть человеку его истинное звание и предназначение — Человека.

Лирический герой Маяковского не замыкается в собственных переживаниях, он рассказывает о них всем людям, чтобы весь мир призвать в свидетели своих страданий. Так у Маяковского человек не только приравнивается к Богу, но и открыто покушается на его всесилие, обещает сам, единолично, спасти человечество.

Любовь и революция, атеизм как обратная сторона христианского вероучения, сливались в романтизме дооктябрьского Маяковского и постепенно начинали обособляться после Октября 1917 года, изменяя свое прежнее направление и смысл.

Продолжение в следующей главе…